

A black and white photograph of a large crowd gathered in a square, with a large monument and a building in the background. The crowd is dense and fills the lower half of the frame. In the background, there is a large, multi-story building with many windows and a large archway. A tall, slender monument stands in the center of the square. The overall scene suggests a significant public event or gathering.

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

Ночи,
которые потрясли мир

Династия без грима

Эдвард Радзинский

Ночи, которые потрясли мир

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

Ночи, которые потрясли мир / Э. С. Радзинский — «Издательство АСТ», 2007 — (Династия без грима)

ISBN 978-5-17-105173-0

«Ранним утром 19 декабря на Малой Невке у моста был обнаружен всплывший труп. Всплыл он страшно – задранная рубашка примерзла к телу, открывая пулевые раны. На лице кровоподтек – след от удара ногой в висок... Трупы сложили в яму и облили лица и все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения... Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы не осталось. (Из «Записки» Я. Юровского, руководившего расстрелом Царской Семьи в ночь на 17 июля 1918 г.)... Ну я вошел в эту комнату и гляжу в раскрытую дверь в малую столовую, а там на полу Хозяин лежит и руку правую поднял... вот так. – Здесь Лозгачев приподнял полусогнутую руку. – ...Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог.»

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105173-0

© Радзинский Э. С., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Часть первая	6
Действующие лица	6
Князь и мужик	7
«Эра покушений» начинается	7
Еще один премьер	8
«Оставшаяся немкой на русском престоле»	9
«Ты должна тоже в том участвовать»	10
Плотская страсть?	11
Загадка распутинской охраны	12
Царственная приманка	13
«Репетиции» заканчиваются	14
«Не тащи меня в Петроград...»	16
«Царство воли и мощи»	17
«Устами младенца...»	17
«А ты, красавица, тяжкий крест примешь...»	18
Последние дни	19
Убийство	20
Последний вечер	20
Хроника утра	21
«Я не хочу верить, что его убили...»	22
«Дело об исчезновении крестьянина Распутина»	23
Рассказывают полицейские	23
«Собаку убил именно он...»	24
Арест на вокзале	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эдвард Станиславович Радзинский

Ночи, которые потрясли мир

© Радзинский Э.С., 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая Смерть Распутина

Действующие лица

Николай Александрович (Ники) – *император всяя Руси*
Александра Федоровна (Аликс) – *императрица всяя Руси*
Григорий Распутин (Мужик, Старец, Наш Друг)
Александр Трепов – *председатель Совета министров*
Николай Михайлович – *великий князь*
Ирина – *жена Феликса Юсупова, племянница Николая II*
Почитательницы Распутина:
Анна Вырубова
Мария Головина (Муня)
Заговорщики:
Дмитрий Павлович – *великий князь*
Владимир Пуришкевич – *депутат Государственной думы*
Феликс Юсупов – *князь*
Александр Сухотин – *поручик*
Станислав Лазоверт – *врач*

Князь и мужик

«Эра покушений» начинается

Не зря императрица Александровна Федоровна видела страшный сон... Именно тогда, в начале ноября 1916 года, Феликс Юсупов возобновил знакомство с Распутиным.

На следствии по делу об убийстве Юсупов показал: «После большого перерыва... я встретил Григория Распутина в ноябре месяце в доме Головиной». Это подтвердила и Муня: «В 1916 году в ноябре месяце князь Юсупов встретил Распутина у меня на квартире».

Вот версия из воспоминаний Феликса: «Мне позвонила М. Г. (Муня Головина. – Э.Р.)... «Завтра у нас будет Григорий Ефимович, ему очень хочется с вами повидаться...» Сам собой открывался путь, по которому я должен действовать... Правда... идя по этому пути, я вынужден обманывать человека, который искренне ко мне расположен».

Скорее всего, Феликс написал неправду. Тогда, в ноябре 1916 года, уже началась охота за Распутиным. И, видимо, существовал план, в котором несчастной Муне было отведено важное место. Ей предназначалось сыграть роковую роль в гибели того, кому она так поклонялась... И конечно же Юсупов сам позвонил ей. «Феликс жаловался на боли в груди», – показала Муня в «Том Деле». Своими жалобами на болезнь, которую не могут вылечить доктора, он легко вызвал с ее стороны предложение устроить встречу с великим целителем. Феликс знал о давней мечте Муня соединить двух людей, которых она так бескорыстно и преданно любила...

И они встретились на квартире Головиных – князь и мужик. «С тех пор, как я первый раз его видел, Распутин очень переменялся, – вспоминал Юсупов. – Его лицо стало одутловатым, и он весь как-то обрюзг. Одет он был не в простую поддевку, а в шелковую голубую рубашку и бархатные шаровары. Держал он себя очень развязно... Меня он поцеловал». На сей раз князь от поцелуя не уклонился.

Накануне Муня в разговоре с Распутиным назвала Феликса «маленький» – в отличие от «большого» Феликса Юсупова, его отца. Распутин, обожавший клички, тут же это прозвище подхватил. Так он и звал отныне князя.

После этой встречи Феликс начинает, по его словам, подыскивать соратников для будущего убийства. «Перебирая в уме друзей, которым я мог доверить свою тайну... я остановился на двоих из них. Это был великий князь Дмитрий Павлович и поручик Сухотин... Я был уверен, что великий князь меня поддержит и согласится принять участие в исполнении моего замысла... *Я знал, до какой степени он ненавидит «старца»* и страдает за Государя и за Россию». И Феликс просит Дмитрия о встрече. «Застав его одного в кабинете, я немедленно приступил к изложению дела. Великий князь... сразу согласился и сказал, что уничтожение Распутина будет последней и самой действенной попыткой спасти погибающую Россию».

Думаю, тут Феликс сообщает нам всего лишь будущую легенду о том, что убийство Распутина было задумано им одним, а великий князь лишь присоединился... Скорее всего, было иначе. Великий князь Дмитрий и Феликс, два очень близких друга, решились на то, о чем в Романовской семье много говорили, но никто не смел исполнить – уничтожить Распутина. И *решение убить, судя по всему, исходило именно от Дмитрия*, этого бравого гвардейца, который, как справедливо писал Феликс, ненавидел «старца», а отнюдь не от штатского Юсупова. Хорошо знавшая обоих Элла напишет: «Феликс, который и мухи-то не обидит... который не желал быть военным, чтобы не пролить чей-то крови».

Но в коварстве задуманного плана чувствовалась рука Феликса, древняя кровь беспощадных татарских ханов...

Об их решении конечно же знали в Романовской семье. Недаром Феликс писал «о заговоре», недаром царь потом напишет великим князьям: «Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан...»

Во всяком случае, отметим странное совпадение – за 10 дней до убийства Распутина великая княгиня Елизавета Федоровна вдруг покинет Петроград. И не просто покинет – уедет молиться в монастырь. И не просто в монастырь – в Саровский монастырь, где покоились мощи святого Серафима, считавшегося покровителем Царской Семьи. Она будто знает – должно случиться что-то важное и страшное для Семьи, и едет молить за нее Бога и святого Серафима...

Впоследствии Элла напишет царю: «Я поехала в Саров и Дивеево... 10 дней я молилась за вас всех – за твою армию, страну, министров, за слабых душою и телом, и в том числе за этого несчастного, чтобы Бог просветил его...» Да, она молилась за «несчастливого» Распутина, просила Бога просветить его, чтобы тот избежал неминуемого, о котором она *знала*... Молилась она и за тех, кто решились пролить кровь, за своих воспитанников: Дмитрия, жившего в ее семье до гибели мужа, и Юсупова, которого она любила, называла «Мой маленький Феликс»...

Но обсуждение плана убийства на короткий срок было прервано. Великому князю надо было вскоре возвращаться в Ставку. Но оба знали, что Дмитрий там надолго не задержится, ибо «его не любят и боятся его влияния». И это было правдой – вспомним письма Аликс.

Феликс упоминает рассказ великого князя о том, как тот «замечил, что с Государем творится что-то неладное. С каждым днем он становится все безразличнее к окружающему... по его (Дмитрия. – Э.Р.) мнению, все это следствие злого умысла... Государя спаивают каким-нибудь снадобьем, которое притупляюще действует на его умственные способности». По распространявшейся тогда легенде, Распутин и царица при помощи тибетских лекарств доктора Бадмаева поработили волю царя.

Так заговорщики «накачивали» друг друга, объясняя самим себе необходимость спешно исполнить свою миссию.

Между тем у безразличия царя было другое, куда более реальное основание.

Еще один премьер

Накануне сессии Думы правые предложили Николаю свое разрешение ситуации, которая становилась все более угрожающей. Князь Римский-Корсаков, член Государственного Совета, в доме которого собирался тогда узкий кружок правых аристократов, передал Штюмеру «записку» для царя: «Так как сейчас нет сомнений, что Дума вступает на явно революционный путь... Дума должна быть немедленно распущена без указания срока нового ее созыва... Имеющаяся в Петрограде военная сила представляется вполне достаточной для подавления возможного мятежа».

Но Штюмер не рискнул передать «записку». Он тоже видел странное безразличие Государя и лишь доложил о настроениях защитников престола. Николай равнодушно выслушал премьера и приказал... открыть сессию Думы.

Царь становился все более бездействен, потому что понял безвыходность положения. Он читал отчеты тайной полиции и отлично знал про зреющий всеобщий заговор. Но он устал от этой бесконечной борьбы и *решил отдать им власть*. И уйти в частную жизнь, чтобы оставили в покое сходящую с ума от яростной деятельности и безумных предчувствий жену. И мужика, который помогал их Семье выжить, лечил и Аликс, и сына...

Теперь Николай уже сам желал неминуемого, а пока вяло пытался успокоить кипевшую Думу, в который раз безнадежно перетасовывал правительство... 10 ноября вместо ненавист-

ного Думе Штюмерера он назначил премьером Алексея Трепова – выходца из знаменитой семьи правых бюрократов. Его отец Федор Трепов был Петербургским градоначальником, брат Дмитрий в свое время занимал пост министра внутренних дел... Но бедному новоиспеченному премьеру с трудом удалось произнести свою первую речь в Думе – его освистали. Депутаты не хотели подачек от власти, они требовали создания своего Совета министров, ответственного перед Думой. Тогда Николай решил пойти на последнюю уступку – отдать Протопопова (Родзянко успел ему многое рассказать о полубезумном министре).

10 ноября царь писал Аликс: «Ты, наверное, уже будешь знать про перемены, которые крайне необходимо теперь произвести... Протопопов – хороший человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения... Говорят, несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни... Рискованно оставлять министерство в руках такого человека в такие времена... Только прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга... Ответственность несущ и поэтому желаю быть свободным в своем выборе».

Он лишь умолял жену не заклинять его словами мужика. Но она поняла – Ники решил покончить с «царскосельским кабинетом», который должен был их спасти. Он решил вновь обратиться к «гадким людям», мечтающим ограничить царскую власть. Его опять обманут!

И «быть свободным в выборе» она ему не позволила. В дело тотчас вступили советы «Нашего Друга».

«10 ноября... Еще раз вспомни, что для тебя, для бэби и для нас... тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы Нашего Друга... Протопопов чтит Нашего Друга, и потому Бог будет с ним... Штюмерер трусил, месяцами не виделся с Ним... и вот – потерял почву под ногами... Ах, милый, я так молю Бога, чтобы Он просветил тебя, что в Нем наше спасение – не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас Своими молитвами... Прошу тебя ради меня – не смей никого до моего приезда...»

Аликс приехала в Ставку, и царь... оставил Протопопова.

Он еще раз сдался. И еще раз понял безнадежность ситуации.

Он очень устал.

Новый премьер Трепов начал точно также, как его предшественники, как недавно павший Хвостов. Он решил успокоить кипевшую Думу, а для этого – удалить Распутина из Петрограда. Зная о мужике лишь по слухам, Трепов совершил ту же ошибку, которую совершил Хвостов, – задумал его купить.

К Распутину, по поручению Трепова, пришел родственник премьера – генерал Мосолов. Он считал, что умеет говорить с мужиками, и потому принес с собою вина. Распутин вино выпил, и Мосолов от имени Трепова предложил ему отказаться от всякого вмешательства в дела управления государством, в назначения министров. За это щедрый премьер обязался выплачивать мужику целых 30 000 рублей ежегодно.

Так пересказал на следствии этот эпизод Белецкий – со слов самого Распутина. И добавил, что Распутин отказался и тотчас «передал Государыне и царю о предложении Трепова... купить замалчивание всего того, что Распутин считает не отвечающим интересам царей».

Эти глупцы предлагали ему променять место советчика «царей» на жалкие деньги, которые он ни во что не ставил, прокучивал и швырял на ветер!

Так Трепов сразу попал в недоверие к царице, и его судьба была предрешена... «Наш Друг» сформулировал: «Нельзя держать Треповых, фамилия у них несчастливая».

«Оставшаяся немкой на русском престоле»

Между тем в Думе произошло невероятное. 19 ноября депутат Пуришкевич, чьи пики усов и лысая голова были известны по газетным портретам всей России, фанатичный монар-

хист, прославившийся бесконечными оскорблениями оппозиции, обрушил громовую речь... на Государыню всея Руси и на мужика у трона.

В 2 часа ночи взбешенный Протопопов передал по телеграфу в Ставку самые опасные куски речи (в архиве я нашел его телеграмму). В газетах эти куски вымарала цензура. Но на следующий день... их повторял весь Петроград, ибо речь Пуришкевича ходила по городу в бесчисленных списках.

«Зло идет от тех темных сил и влияний, которые... и заставляют взлетать на высокие посты людей, которые не могут их занимать... От влияний, которые возглавляются Гришкой Распутиным (шум, голоса: «Верно! Позор!»)... Ночи последние я спать не могу, даю вам честное слово... лежу с открытыми глазами и мне представляется ряд телеграмм, записок, сведений, которые пишет этот безграмотный мужик то одному, то другому министру... Были примеры, что неисполнение этих требований влекло к тому, что эти господа, сильные и властные, слетали... В течение двух с половиной лет войны я... полагал, что домашние распри должны быть забыты во время войны... Теперь я нарушил этот запрет, чтобы дать докатиться к подножью трона тем думам русских масс и той горечи обиды русского фронта, в которые ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от которых прочно забрали Распутин и императрица Александра Федоровна – *злой гений России и царя... оставшаяся немкой на русском престоле... чуждая стране и народу...*»

Дальше идти было некуда!

Можно представить, с какими чувствами читал эту речь царь. Теперь он понял окончательно: ему оставляли единственный выбор – или Аликс, или трон.

И он выбрал – ее... И ждал неминуемого.

Когда Распутину прочитали речь Пуришкевича, он отреагировал так, как Аликс и ожидала от него, – по-евангельски простил. Но понял, что надо поддержать дух «царей», и послал телеграмму в Ставку: «19.11.16. Пуришкевич ругался дерзко, но не больно. Мой покой остался не нарушен». А чтобы и царский покой не нарушать, предсказал: «Бог укрепит вас. Ваша победа и ваш корабль. Никто не имеет власти на него сесть». Так он обещал «царям» лучезарное завтра за пару месяцев до революции.

Повторил он то же и «маме»: «22 ноября... Верьте и не убойтесь страха, сдайте все свое (империю. – Э.Р.) Маленькому в целости. Как отец получил, так и его сын получит».

И в на редкость связной для него записке дворцовому коменданту Воейкову Распутин написал: «Без привычки даже каша не сладка, а не только Пуришкевич с его бранными устами... Теперь таких ос расплодилось миллионы. А надо быть сплоченными друзьями. Хоть маленький кружок, да единомышленники... В них злоба, а в нас дух правды... Григорий Новый». Но самое страшное (о чем говорил и Пуришкевич) Распутин здесь подтвердил: «Таких ос расплодилось миллионы»...

Утром 20 ноября речь Пуришкевича самым внимательным образом прочел и Феликс Юсупов.

«Ты должна тоже в том участвовать»

Пуришкевич проснулся знаменитым. Как он запишет в дневнике, «20 ноября весь день трещал телефон, поздравляли... Из звонивших меня заинтересовал один, назвавшийся князь Юсупов... он попросил позволения побывать у меня для выяснения некоторых вопросов, связанных с ролью Распутина, о чем по телефону говорить неудобно. Я попросил заехать его в 9 утра».

Перед визитом к Пуришкевичу Феликс отправил письмо в Крым – жене Ирине.

Феликс все это время был в Петрограде – проходил военную подготовку в Пажеском корпусе. «Половина молодых» в Юсуповском дворце на Мойке перестраивалась, и он жил во дворце тестя, великого князя Александра Михайловича.

А в Крыму в то время шли теплые дожди, великокняжеские дворцы опустели. Из всего блестящего общества там спасались от промозглой столичной осени лишь мать и жена Феликса.

Ирина и Феликс постоянно обменивались письмами – бесконечными заверениями в любви, так похожими на послания Ники и Аликс. И хотя их чувства были отнюдь не схожи (хотя бы по причине особых склонностей Феликса), но таков уж был эпистолярный стиль того времени, и они ему следовали...

Болезни и меланхолия, судя по этим письмам, не покидали хрупкую красавицу. Но то, что написал ей Феликс в день визита к Пуришкевичу, заставит Ирину забыть о всех своих недугах. В письме, которое доставит Ирине «верный человек», Феликс вместо привычных слов любви... сообщал о готовящемся убийстве, в котором решил принять самое деятельное участие!

«Я ужасно занят разработкой плана об уничтожении Распутина. Это теперь просто необходимо, а то все будет кончено. Для этого я часто вижусь с М. Гол. (Муней Головиной. – Э.Р.) и с ним (Распутиным. – Э.Р.). Они меня очень полюбили и во всем со мной откровенны...» И далее – то, что поразило Ирину: «Ты должна тоже в том (то есть в убийстве! – Э.Р.) участвовать. Дм. Павл. (великий князь Дмитрий Павлович. – Э.Р.) обо всем знает и помогает. Все это произойдет в середине декабря, когда Дм. приезжает... Как я хочу тебя видеть поскорее! Но лучше, если бы ты раньше не приезжала, так как комнаты будут готовы 15 декабря и то не все... и тебе будет негде остановиться... Ни слова никому о том, что я пишу».

И в заключение он просил Ирину: «Скажи моей матери (о плане. – Э.Р.), прочитай ей мое письмо...»

Ибо Феликс знал: мать благословит скорую развязку. Желанную развязку...

Плотская страсть?

После гибели Распутина его служанка Катя Печеркина показала, что первый раз Феликс пришел к ним на квартиру «20 ноября, в День введения во Храм Пресвятой Богородицы». И пришел не один – с Марией Головиной.

Муня показала в «Том Деле»: «Феликс... жаловался на боли в груди... я посоветовала ему побывать на квартире у Распутина... Князь ездил со мною 2 раза – в конце ноября и в начале декабря. И оставался у него менее часа...»

Итак, в тот же день, когда Феликс позвонил Пуришкевичу, он и посетил впервые квартиру Распутина. Этот визит должен был помочь Феликсу исполнить самую важную часть намеченного плана – *заставить Распутина полностью ему довериться*.

Феликс весьма кратко описал следователю, ведшему дело об убийстве Распутина, сам загадочный процесс «лечения»: «Распутин делал надо мной пассы, и мне казалось, что наступило некоторое облегчение».

Куда подробнее он изложил это уже в эмиграции: «После чаю Распутин впустил меня в кабинет – в маленькую комнатку с кожаным диваном, несколькими креслами и большим письменным столом... «Старец» велел мне лечь на диван, затем тихонечко провел по моей груди, шее и голове... потом опустился на колени, положив руки мне на лоб, пробормотал молитву. Его лицо было так близко к моему, что я видел лишь глаза. В таком положении он оставался некоторое время, потом резким движением поднялся и начал делать пассы надо мной. Гипнотическая власть Распутина была беспредельной. Я чувствовал входящую в меня силу, теплым потоком охватывающую все мое существо, тело онемело, я пытался говорить, но язык не слу-

шался меня... Только глаза Распутина сверкали передо мной – два фосфоресцирующих луча... Затем я почувствовал проснувшуюся во мне волю – не подчиняться гипнозу. Я понял... я не дал ему полностью подчинить мою волю».

Но остался дневник человека, который хорошо знал Феликса и высказал ряд интересных соображений по поводу распутинского «лечения». Это все тот же великий князь Николай Михайлович. Уже после убийства Распутина он постарался выпытать из Феликса как можно больше подробностей.

«Феликс выложил мне всю правду... Гришка сразу полюбил его... и вскоре совсем доверился ему... доверился вполне. Они виделись чуть ли не ежедневно, говорили обо всем... причем Распутин посвящал его во все свои замыслы, нисколько не стесняясь такой откровенностью».

И великий князь, размышляя о внезапном доверии Распутина ко вчерашнему своему недоброжелателю, задает совершенно необходимый вопрос: «Не могу понять психики Распутина... Чем, например, объяснить безграничное доверие Распутина к молодому Юсупову? Он никому вообще не доверял... опасаясь быть отравленным или убитым». И удивление Николая Михайловича абсолютно правомерно. Распутин, как мы помним, действительно боялся покушений.

Великий князь отвечает на свой вопрос так: «Остается предположить что-то совсем невероятное... а именно *влюбленность, плотскую страсть к Фениксу*, которая омрачила этого здорового мужчину и развратника и довела его до могилы... Неужели во время бескончаемых бесед они только говорили? Убежден, были какие-то физические изъятия дружбы... в форме поцелуев, взаимного ощупывания и, возможно, *чего-то еще более циничного*... Садизм Распутина не подлежит сомнению. Но насколько велики плотские извращения у Феликса, мне еще мало понятно. Хотя слухи о его похотях циркулировали в обществе до его женитьбы».

Впрочем, «лечить» на языке «Нашего Друга» означало «изгонять беса блуда». Не идет ли речь в случае с Феликсом об «изгнании похоти к мужчинам», за что и взялся «универсальный врач» из сибирского села? Взялся лечить своим, «проверенным способом»... Возможно, с этим связана и таинственная предыстория их отношений, закончившаяся пощечиной... Но одно ясно: именно эти встречи свершили невозможное – мужик всецело доверился князю.

Загадка распутинской охраны

Приезжая к Распутину, Феликс поднимался в квартиру по «черной лестнице» (ко входу для прислуги), минуя агентов, охранявших мужика. Объяснить Распутину и Муне обычай приходить с черного хода князю было просто: его семья ненавидит Григория, и он не хочет лишних конфликтов... Так он приучал Распутина к своим тайным приходам.

И Печеркина на следствии отметила: «Маленький» приходил с черного хода». Но она запомнила только два появления Феликса, и оба – с Марией Головиной. Однако, судя по всему, он приходил гораздо чаще, просто Распутин старался, чтобы свидетелей этих визитов не было.

Сам Феликс о числе своих посещений Распутина скажет следователю уклончиво, но во множественном числе: «Во время моих *последних посещений* Распутина...» Но, со слов мужика, Лили Ден покажет в «Том Деле»: «Князь *часто бывал* у Распутина». И в письме царицы мужу от 17 декабря читаем: «Феликс в последнее время *часто* ездил к Нему».

Впоследствии заговорщики, желая показать трудности, которые они преодолели, будут говорить, что Распутина «охраняли шпики от трех учреждений: от императрицы, от МВД и шпики от банков». На самом деле в то время при Распутине были только агенты охранки. Более того, в один из своих ночных визитов ночью, Феликс мог с изумлением заметить, что *после полуночи Распутина вообще никто не охранял*.

Таково было секретное распоряжение Протопопова. Как показал Белецкий, жалкий министр «для особо важных разговоров приезжал к Распутину сам, вечером после 10». Не желая иметь свидетелей, Протопопов *«после 10 вечера велел снимать наружную охрану»*. При этом он лгал и в Царском Селе, и Распутину – уверял, что охрана оставалась и ночью, только «ставилась не у ворот, а напротив дома, чтобы быть незаметной».

Так Феликс узнал: после полуночи можно увезти Распутина, не опасаясь охраны. На этом и будет строиться план убийства.

Царственная приманка

Итак, 21 ноября Феликс встретился с Пуришкевичем, который в дневнике так изложил свое впечатление: «Молодой человек в форме... мне он понравился внешностью, в которой царит непередаваемое изящество и порода, и духовной выдержкой. Это, очевидно, человек большой воли и выдержки... качества, мало присущие русским людям, в особенности из аристократической среды».

Феликс изложил упоенному своей речью Пуришкевичу парадокс, который тот не понимал: «Ваша речь не принесет тех результатов, которые вы ожидаете... Значение Распутина не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Федоровну, управляющую фактически всем государством». Князь тоже был уверен в «безраздельном влиянии» Распутина.

– Что же делать? – спросил Пуришкевич.

– Устранить Распутина, – сказал родственник царя.

Пуришкевич с готовностью согласился участвовать в убийстве. И Феликс предложил ему познакомиться с двумя другими участниками.

«22 ноября в 8 вечера я был у князя», – вспоминал Пуришкевич. Здесь он увидел молодого офицера Преображенского полка – поручика Сухотина. А потом «в комнату влетел молодой статный красавец, в котором я узнал великого князя Дмитрия Павловича».

Пуришкевича ознакомили с планом убийства. «Выяснилось, что Распутин давно ищет случая познакомиться с некоей графиней Н., молодой петроградской красавицей, бывающей в доме Юсуповых. Но она была в Крыму... При последнем своем визите к Распутину Юсупов заявил ему, что графиня на днях возвращается в Петроград, где пробудет несколько дней и... что он может его с ней познакомить у себя дома».

Итак, некая красавица, жившая тогда в Крыму «графиня Н.», должна была стать подсадной уткой, крючком, на который решено было поймать Распутина. Так с *необходимой* лжи начинаются воспоминания Пуришкевича. Ибо под маской «графини Н.» он скрыл... жену Феликса – Ирину.

Сам Юсупов напишет: «Распутин... давно хотел познакомиться с моей женой. Думая, что она в Петрограде и что мои родители в Крыму, он согласился отправиться ко мне». Но еще интересней описывает историю с «крючком» подруга царицы Лили Ден: «В последний год жизни Распутина князь часто бывал у него... и, по словам Распутина, *рассказывал ему какие-то удивительные, слишком интимные вещи про свою жену*. Какие именно, Распутин не сказал... Распутин должен был быть у князя, чтобы *исцелить* его жену».

«Исцелить», «интимные вещи» – то есть изгнать блудного беса! И, видимо, опять тем самым – распутинским – способом! Но не мог же монархист Пуришкевич написать, что племянницу Государя решили использовать как сексуальную приманку для распутного мужика.

Но запомним: монархические убеждения не позволяют Пуришкевичу писать правду. И это необходимо учитывать при реконструкции той петербургской ночи – ночи убийства.

Так что если предположения Николая Михайловича об отношениях Распутина с Феликсом оправданны, то в Юсуповском дворце Распутину посулили заманчивое продолжение

«лечения». После того как он «изгонял блуд» из князя, он должен был «изгнать беса» из его жены. Мужу в ту ночь посулили лоно племянницы царя! Это заставило его потерять голову. Хитрый мужик обернулся токующим тетеревом. Блуд победил разум.

Но к концу ноября у заговорщиков начались осложнения. Феликс получил письмо Ирины, написанное в самом решительном тоне: «25 ноября 1916... Благодарю тебя за твое сумасшедшее письмо. Я половину не поняла, но вижу, что ты собираешься сделать что-то дикое. Пожалуйста, будь осторожен и не суйся в разные грязные истории... Главная гадость, что ты решил все сделать без меня. Не вижу, как я могу теперь участвовать, раз все уже устроено... Кто такой «М. Гол.»?... Только что поняла, что это значит и кто она... В эту минуту, пока писала!.. Одним словом, будь осторожен. Вижу по твоему письму, что ты в диком энтузиазме и готов лезть на стену... 12 или 13 буду в Петрограде, *чтоб без меня не смел ничего делать*, а то я совсем не приеду... Крепко целую. Храни тебя Господь».

Но главное из письма осталось неясным – согласна ли она участвовать.

27 ноября Феликс написал ответ: «Какое счастье твое длинное письмо... Ты прямо не знаешь, как ты мне не достаешь именно теперь, когда вся моя голова разрывается на части от всяких мыслей и планов и т. д. Так хочу тебе все рассказать... *твое присутствие в середине декабря необходимо*. План, про который я тебе пишу, разработан детально, уже три четверти сделано, *остался финальный аккорд... и для этого ждут твоего приезда*... Это (убийство. – Э.Р.) – единственный способ спасти положение, которое почти безвыходно... *Ты же будешь служить приманкой (!!! – Э.Р.)*... Конечно, ни слова никому...»

В конце письма (видимо, чтобы окончательно убедить Ирину) Феликс написал загадочную фразу: «Маланья тоже участвует».

Итак, кроме Ирины в убийстве должна была участвовать и некая Маланья...

«Репетиции» заканчиваются

Ирина должна была приехать в середине декабря. На это время и планировалось убийство. И Феликс сообщил Распутину о приезде жены.

Юсупов вспоминал: «Он согласился на предложение прийти познакомиться с женой... согласился с условием, что я сам приеду за ним и привезу его к себе. При этом он просил меня подняться по черной лестнице... Я с удивлением и ужасом отметил, с какой простотой Распутин согласился на все... и сам устранил все затруднения».

Феликс опять лукавит. Прийти с черного хода предложил конечно же он сам, разъяснив мужу щекотливость ситуации. И Распутин согласился. Он полагал, что агенты, охранявшие дом, все равно заметят их при выходе со двора и отправятся за ними. А если что случится у Феликса, можно будет убежать, как он бежал с вечеринки у Беллинг, и агенты его прикроют.

Мужик не знал, что после 10 часов вечера его не охраняют.

Заканчивались «репетиции» – так назовет Феликс в письме к Ирине подготовку преступления. Местом убийства выбрали дворец Юсуповых. Но он находился напротив полицейского участка, что, как писал Пуришкевич, «исключало стрельбу из револьвера». И потому решили «покончить с Распутиным отравлением».

Вначале думали действовать вчетвером – великий князь, Пуришкевич, поручик Сухотин и Феликс. Но Пуришкевич справедливо заметил, что необходим шофер – вывезти труп. Пятым участником убийства он предложил сделать хорошо известного ему доктора Лазаверта, врача из санитарного поезда, которым руководил сам Пуришкевич.

Убийство наметили на ночь с 16 на 17 декабря. «Так как у Дмитрия Павловича (добавим: весело кутившего Дмитрия Павловича. – Э.Р.) все вечера до 16-го были разобраны... остано-

вились на этом дне». Это очень устраивало Пуришкевича – его санитарный поезд должен был отправляться на фронт 17 декабря.

24 ноября в салон-вагоне Пуришкевича состоялось совещание с участием Феликса и великого князя. Хозяин познакомил их с доктором Лазавертом.

Накануне кадетский лидер Василий Маклаков (тот самый, который произнес речь об ужасе «распутинства» и грядущей революции) через князя Юсупова передал заговорщикам яд – цианистый калий. Яд был в кристалликах и в растворенном виде, в небольшой склянке – им решено было отравить пирожные и вино для Распутина. (Впоследствии Маклаков, стремясь откреститься от участия в убийстве, сообщит, что дал заговорщикам безвредный порошок. Но доктор Лазаверт сумел бы отличить цианистый калий от простого порошка! Нет, Маклаков стал гуманистом много позже. А тогда он очень заботился, чтобы Распутин был убит, и даже дал Феликсу в придачу резиновую гантелю – на случай, если придется добивать мужика. Но сам участвовать не стал, сославшись на отъезд в Москву. Уклонился – все-таки убийство!)

В вагоне заговорщики обговорили окончательный план. Они должны были собираться в полночь – насыпать яд в пирожные и вино. В половине первого Феликс и доктор Лазаверт, переодетый шофером, отправятся за мужиком и привезут его в Юсуповский дворец, но не к главному входу, а во двор, чтобы выходящие из автомобиля были не видны сквозь чугунную решетку. Оттуда через маленькую дверь мужика введут в дом и по узкой винтовой лестнице проводят в подвал, который к 16 декабря должны были переоборудовать в очаровательную столовую в русском стиле. Здесь, в подвале, Феликс объяснит Распутину, что ему придется немного обождать желанного знакомства с Ириной, ибо наверху – неожиданно нагрянувшие гости, которые скоро разойдутся. И угостит мужика отравленными пирожными и отравленным вином...

В это время на лестнице, ведущей в подвал, остальные четверо будут ждать развязки – чтобы (если что-то случится) «ворваться и оказать помощь».

28 ноября Пуришкевич приехал осмотреть место убийства. «С беспокойством я прошел в кабинет Феликса, озирая строй челяди, толпившейся в передней во главе с ливрейным арапом... Феликс успокоил меня, объяснив, что вся прислуга будет отпущена, останутся лишь двое дежурных на главном подъезде».

Подвал, который перестраивали для приема дорогого гостя, «имел растерзанный вид, в нем шел полный ремонт... там проводили электричество». Но помещение показалось Пуришкевичу крайне удобным для задуманного: толстые стены; два окошечка, выходившие во двор, были крайне малы и находились на уровне тротуара. Так что можно было, на худой конец, даже и выстрелить...

Феликс все чаще навещался в Юсуповский дворец – руководил меблировкой места убийства. Арка разделяла сводчатый подвал на две части – в одной сделали маленькую столовую, в другой – крошечную гостиную.

«Три вазы китайского фарфора уже украшали ниши в стенах... Из кладовых принесли старинные стулья резного дерева, обитые кожей... драгоценные кубки из слоновой кости... Шкаф времен Екатерины Великой – эбенового дерева, с инкрустацией, с целым лабиринтом маленьких стекол, бронзовых колонок, потайных ящичков. На этом шкафу поставили распятие из горного хрусталя и гравированного серебра итальянской работы XVI века... Большой камин был украшен золочеными чашами, майоликовыми блюдами и скульптурной группой из слоновой кости. На полу расстелили персидский ковер, а перед шкафом – шкуру огромного белого медведя... В середине комнаты поставили стол, за которым Распутин должен был выпить последнюю свою чашку чая», – вспоминал Феликс.

Из комнат князя в подвал шла винтовая лестница, на которую (на полпути между комнатами и подвалом) и выходила *та маленькая дверь во двор*, к которой должны были привезти Распутина.

Утро 29 ноября убийцы провели в хлопотах – осматривали окрестности на автомобиле, искали, где лучше сбросить в прорубь труп. Нашли подходящее, почти неосвещенное место – на Малой Невке.

Когда я читал воспоминания Юсупова и Пуришкевича о подготовке убийства, многие детали показались мне хорошо знакомыми. И как перед убийством заботливо искали, куда вывезти труп (важно было хорошо спрятать тело), и как обсуждали, где убивать, и выбрали подвал, чтобы не слышно было выстрелов... Да и сам подвал, маленький, разделенный надвое, с окошками на уровне тротуара... Все оказалось таким похожим на подготовку убийства Царской Семьи – в очень похожем подвале дома Ипатьева.

В ночь с 16 на 17 декабря убьют Распутина. В ночь с 16 на 17 июля (по новому стилю) погибнет Царская Семья.

Так что убийство любимого «царями» мужика было будто репетицией убийства Семьи. И Юсуповская ночь – репетицией Ипатьевской ночи.

«Не тащи меня в Петроград...»

Итак, в ночь на 17 декабря 1916 года Распутину предстояло попросту исчезнуть. Феликс должен был вывезти его из дома в то время, когда там все уже спали, а охрана ушла. И Распутин обещал никому не говорить, куда он отправляется той ночью. А на случай, если бы он проболтался, убийцы, как вспоминал Феликс, придумали следующее: «Так как Распутин часто кутил в ресторане «Вилла Родэ»... то поручик Сухотин после убийства позвонит в ресторан... и спросит: «В каком кабинете Распутин?» И дождавшись отрицательного ответа, скажет: «Ага, так его еще нет? Значит, сейчас приедет...» И заговорщики смогут сказать, что мужик действительно был в Юсуповском дворце, но уехал оттуда в «Виллу Родэ». И власти услышат от администрации ресторана, что Распутин намеревался к ним приехать. Ну, а если исчез по дороге, то это вина какого-то очередного подозрительного собутыльника...

А не поверят – пусть попробуют доказать. Заговорщики заранее решили до конца отрицать убийство.

Но перед самым покушением им нанесли удар. И какой! И – кто!

«Верный человек» привез из Крыма письмо Ирины: «3 декабря, Кореиз... Я знаю, что если приеду, непременно заболею... Ты не знаешь, что со мной. Все время хочется плакать... Настроение ужасное, никогда не было такого... Я не хотела всего этого писать, чтобы тебя не беспокоить. Но я больше не могу! Сама не знаю, что со мной делается. *Не тащи меня в Петроград... Приезжай сюда сам...* Я больше не могу, не знаю, что со мной. Кажется, невращения... Не сердись на меня, пожалуйста, не сердись... Я ужасно как тебя люблю... Храни тебя Господь...»

Эта была странная истерика. Какой-то ужас охватил Ирину – видимо, она тоже верила в мужика-дьявола. Она понимала, какой удар наносит Феликсу, но ничего не смогла поделать с собой. Ирина не просто отказалась приехать – она умоляла мужа отказаться от задуманного: «Приезжай сюда сам...»

Накануне убийства жена Феликса лишила заговорщиков едва ли не главного – «приманки»...

И пришлось им придумать целое театральное представление...

План решили не менять и объявить Распутину, что Ирина приехала в Петроград. И действовать, как и прежде задумано: привезти мужика во дворец к Феликсу на встречу с Ириной, сообщить, что вечеринка немного затянулась. И попросить его подождать в очаровательной столовой в подвале (там должен был стоять накрытый стол – будто общество, вспугнутое приходом Распутина, в спешке покинуло столовую и заканчивает веселье наверху). И инсценировать эту вечеринку – звуками граммофона, шумом и голосами «гостей». И пока Распутин будет ждать, Феликс отравит его внизу вином и пирожными...

Итак, все было готово. Оставалось только ждать 16 декабря.

«Царство воли и мощи»

В дни последних «репетиций» заговорщиков Николай собирался покинуть Царское Село. Его очередной кратковременный приезд домой закончился. 2 декабря, за два дня до отъезда, царь в последний раз встретился с Распутиным. И простился с ним...

Накануне Распутин видел очередной сон, который обещал успех и благополучие. Видение «Божьего человека», случившееся, как всегда, вовремя, обрадовало Аликс. Она чувствовала упадок духа у Ники и, чтобы поддержать его, разрешила взять с собой мальчика. 4 декабря царь и наследник уехали в Ставку.

В поезде Николая уже ждало ее письмо, в котором можно найти следы каких-то очень серьезно готовившихся решений.

«4 декабря 1916... Еще немного терпенья и глубочайшей веры в молитвы и помощь Нашего Друга, и все пойдет хорошо! Я глубоко убеждена, что близятся великие и прекрасные дни твоего царствования и существования России. Только сохрани бодрость духа... Покажи всем, что ты властелин... *Миновало время великой снисходительности и мягкости, теперь наступает твое царство воли и мощи!.. Их следует научить повиновению... ты их избаловал своей добротой и всепрощением...* Дела начинают налаживаться – сон Нашего Друга так знаменателен! Милый, помолись у иконы Могилевской Божьей матери... ты там обретишь мир и крепость... Пусть народ видит, что ты – царь-христианин...»

Заговорщики готовились к убийству, а Распутин был ровен и радостен. Он, видимо, тоже ждал неких серьезных решений царя, заранее обговоренных в «царскосельском кабинете». Скоро, скоро не будет Думы и всех этих злых говорунов!

6 декабря Аликс написала Ники: «Мы провели вчерашний вечер уютно и мирно в маленьком доме. Милая «большая Лили» (Ден. – Э.Р.) тоже пришла туда попозднее, а также Муня Головина. *Он был в хорошем, веселом настроении.* Видно, что Он все время думает о тебе и что все теперь хорошо пойдет... Будь властелином, слушайся твоей стойкой женушки и Нашего Друга».

«Устами младенца...»

Феликс, смирившись с решением Ирины, отправил ей письмо. Теперь он просил ее только о телеграмме: «8 декабря 1916... Я выезжаю 16 или 17... Какое будет счастье опять быть вместе! Ты не знаешь, как я тебя люблю... *Репетиции идут благополучно...* Пришли 16-го телеграмму, что заболела и просишь меня приехать в Крым, это необходимо...»

Как и Пуришкевич, Феликс решил уехать из столицы тотчас после убийства. И ему нужна была телеграмма о болезни жены, чтобы отъезд не выглядел бегством.

Но нервность Ирины не проходила. Да и не могла пройти – она понимала, что «репетиции» скоро закончатся кровавой премьерой. Она по-прежнему сходила с ума, боялась встречи

Феликса с опасным мужиком, которому подвластны потусторонние силы. И нервность эта закончилась настоящей болезнью.

«9 декабря. Дорогой Феликс... получил ли ты мой бред?.. Не думай, что я все это выдумала, такое было настроение последние дни... Сегодня утром температура нормальная, но я все-таки лежу. Почему-то ужасно похудела... Прости меня за мое последнее письмо, оно ужасно неприятное... Хотела приберечь все это для твоего приезда, но оказалось, что не могу, надо было вылить душу... С Бэби (маленькая дочь Ирины и Феликса. – Э.Р.) что-то невероятное. Недавно ночью она не очень хорошо спала и все время повторяла: «Война, няня, война!» На другой день спрашивают: «Война или мир?» И Бэби отвечает: «Война!»... Через день говорю: «Скажи – мир». И она прямо на меня смотрит и отвечает: «Война!» Это очень странно... Целую тебя и ужасно жду».

Война, кровь и гибель. «Устами младенца...»

«А ты, красавица, тяжкий крест примешь...»

Свое благодное состояние Распутин поддерживал вином. Он хотел забыть о смерти... Теперь он был постоянно пьян.

Из показаний Марии Головиной: «В последнее время он сильно пил, и это возбуждало во мне к нему жалость. Пьянство не отразилось на его умственных способностях. Он говорил еще более интересно...»

Теперь несчастному Протопопову приходилось приезжать к нему во время попок. Так Распутин проверял покорность министра – и это было для Протопопова невыносимо.

Из показаний Головиной: «В разговоре со мной Протопопов жаловался, что он очень устал, что ему тяжело, что ему только Бог поможет... и он уйдет куда-нибудь в скит, и как ему это хотелось бы, но он не может этого сделать из любви к «ним» – как я поняла, к Государю и Государыне... Если разобраться, то, конечно, было странно, что министр внутренних дел ведет такие разговоры со мною, но в то время было так много странностей!»

Но когда его звали в Царское, Распутин по-прежнему преображался. Комиссаров показывал в «Том Деле»: «В этот день не пил... шел в баню, ставил свечку... он всегда это делал, когда ездил лично к царю... Потом весь день готовился. Затем дорогой концентрировался и сосредотачивал волю».

Даже когда его привезли к «царям» после веселой закладки Аниной церкви, мужик, как отметит царица в письме, был трезв.

11 декабря царица была в Новгороде вместе с великими княжнами и конечно же с Подругой. В древнем Софийском соборе они отстояли литургию, а в Десятинном монастыре посетили пророчицу. «Она лежала в маленькой темной комнате в абсолютной темноте... и поэтому мы захватили свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга... Ей 107 лет, она носит вериги», – писала Аликс мужу.

В колеблющемся свете свечи царица разглядела «молодые лучистые глаза». И старица, жившая еще при Николае I, заговорила из темноты. Она несколько раз повторила Государыне всея Руси: «А ты, красавица, тяжкий крест примешь... не страшись...»

Так закончилось последнее путешествие Государыни. В следующий раз Аликс уедет из Царского Села уже низложенной ссыльной.

Из Новгорода они с Подругой привезли маленькую иконку – подарок «Нашему Другу». Ту самую, которая окажется потом в его гробу.

Последние дни

13 декабря Юсупов позвонил Пуришкевичу и сказал: «Ваня приехал». Так он подтвердил: все готово к 16 декабря...

А Распутин продолжал пребывать в самом благостном настроении. Все складывалось как нельзя лучше – по приказу «мамы» было прекращено дело Манасевича-Мануйлова.

В 1917 году в Чрезвычайной комиссии Манасевич будет достаточно откровенен: «Распутин сказал мне: «Дело твое нельзя рассматривать, начнется страшный шум...» И он сказал царице, чтобы она написала сама министру юстиции Макарову... Он боялся газетной кампании... боялся, что всплывет его имя... Распутин мне сразу позвонил: «Сейчас мне из дворца звонили... у мамы есть телеграмма от мужа о том, что делу не бывать...»

Действительно, все так и было – с точностью до слова. 10 декабря Аликс написала Ники: «На деле Мануйлова прошу тебя написать «прекратить дело» и переслать его министру юстиции... Иначе... могут снова подняться весьма неприятные разговоры... Пожалуйста, сейчас же, не откладывая, отошли дело Макарову, иначе будет поздно...»

И через несколько дней Манасевич был на свободе. Любимый «секретарь» Распутина вновь появился в квартире на Гороховой. Появился он и в клубе, играл по крупному. Проехался по Петрограду, понюхал – все ли спокойно? И, видимо, был удовлетворен, ибо Распутин, опасавшийся дотоле ходить по улицам, решился даже прогуляться по городу.

За день до убийства Аликс написала мужу: «Очень благодарю тебя (также от имени Григория) за Мануйлова... Наш Друг... уже давным-давно не выходит из дому, ходит только сюда. Но вчера Он гулял по улицам с Муней к Казанскому собору и Исаакиевскому... ни одного неприятного взгляда, все спокойны. Он говорит, что через 3 или 4 дня дела в Румынии поправятся, и все пойдет лучше... Пожалуйста, скажи Трепову: *Дума должна быть распущена до начала февраля*... поверь совету Нашего Друга. Даже дети замечают, что дела идут плохо, если мы Его не слушаем, и, наоборот, хорошо, если слушаем».

Так в последний раз «Наш Друг» посоветовал царице то, чего она сама так хотела! И в ночь на 16 февраля царь подписал указ о перерыве в работе Думы до 19 февраля.

Наступил последний день в жизни Распутина. Он умрет, не увидев своей победы.

Убийство

Последний вечер

16 декабря – самый обычный день Распутина. Сначала на квартире появилась трогательная Муня: «Я приехала к 12 и пробыла до 10 вечера... он был возбужден и сказал: «Сегодня я поеду», но не сказал, куда».

Правда, Бадмаев в «Том Деле» показал другое: «Головина призналась в своем горе. Она знала еще накануне, что Распутин намеревался... кутить и ужинать у князя Юсупова».

Появилась и Вырубова. Впоследствии Белецкий показал, что Аня приехала на Гороховую в 8 вечера и Распутин ей сказал, что должен уехать с Юсуповым «исцелять его жену».

Вырубова не знала, что Ирины нет в Петрограде, и посоветовала «Нашему Другу» отказаться от этого приглашения. Она сказала, что это унижительно для него – ездить по ночам к тем, кто стыдится принимать его открыто – в дневное время. И он дал ей обещание не ехать...

Итак, пообещав Феликсу держать поездку в тайне, хитрый мужик на всякий случай рассказал всем близким, куда он собирается. Он был уверен, что, как обычно, за ним увяжутся агенты (не знал, что ночью его охрана уходит). Так что хотя Распутин и «вполне доверял» Феликсу, но кое-какие меры предосторожности все-таки принял...

Муня Головина уехала в десять, и тут же появилась некая дама – из тех мимолетных, бывавших в «комнатке с диваном» и тотчас исчезающих. Как показала потом швейцарша: «У него с 10 вечера была дама лет 25 до 11 часов». То же подтвердила и племянница Анна, гостившая в те дни у Распутина: «Часам к 10 вечера пришла полная блондинка, которую звали «сестра Мария», хотя она вовсе и не сестра милосердия». Но в каком-то смысле она была именно «сестрой милосердия», ибо помогла Распутину снять напряжение, которое, видимо, против воли охватило его, и «утончить нервы» перед ночью, которая столько ему обещала...

Около одиннадцати вернулись его дочери. На следующий день им обеим пришлось давать показания следователю. Варвара ничего не знала: «Мы с Матреной ходили в гости, спать легли в 11, и я не видела, как и куда и с кем он уехал. Отец мне ничего не говорил, что в эту ночь он куда-то собирается уйти». Но старшая, Матрена, показала: «Когда я вернулась и уходила спать, *отец мне сказал, что едет в гости к Маленькому...*»

И наконец около полуночи приехал Протопопов. «В ночь убийства Распутина я заехал к нему... около 12, проводив на поезд... Воскобойникову (потому что знал: в это время нет агентов, дежуривших у квартиры. – Э.Р.)... Я... пробыл у него 10 минут... видел только его одного, он сам отворил мне дверь. О намерении ехать куда-то ночью мне не сказал». Видимо, Распутин, поджидавший Юсупова, поспешил свернуть разговор с министром.

Шел первый час ночи на 17 декабря. Распутин стал одеваться. Его служанка показала: «Он надел голубую рубашку, вышитую васильками... но не мог застегнуть ворот, и я ему пуговицы застегнула». Он продолжал волноваться...

Одетый, он лег на кровать и стал ждать Феликса. Дочери уже спали, но племянница Анна и служанка Катя еще не легли. Анна и рассказала следователю: «В начале первого часу ночи дядя лег на кровать, не раздеваясь, на недоуменные вопросы мои и Печеркиной ответил: «Сегодня я пойду... в гости к Маленькому... Маленьким дядя называл Юсупова».

Потом Анна пошла спать в комнату к дочерям Распутина, а Печеркина ушла на кухню и там легла за перегородкой для прислуги. Подозрительные сборы хозяина, очевидно, возбудили ее любопытство – она не спала, ждала, кто же придет за ним...

Наконец «с черного хода раздался звонок». Отодвинув занавеску, закрывавшую ее кровать, она увидела Распутина и его гостя. Это был «Маленький» – князь Феликс Юсупов.

Хроника утра

В 8 часов утра племянница Распутина позвонила Муне Головиной и сказала, что дядя уехал ночью с «Маленьким» и не возвратился домой.

Незадолго до этого Протопопова разбудил звонок. Градоначальник Балк весьма взволнованно сообщил министру, что городской, стоявший на набережной Мойки, слышал выстрелы во дворце Юсупова, после чего был позван в дом, и находившийся там член Государственной Думы Пуришкевич сказал ему, что Распутин убили... Протопопов соединился с квартирой на Гороховой и узнал: Распутин дома не ночевал и до сих пор не вернулся.

Часам к одиннадцати на Гороховую приехала Мария Головина. Она сказала дочерям, что звонила князю Юсупову, но «там еще все спят». Впоследствии Муня показала, что была в то время спокойна, ибо «Распутин при мне просил князя свозить его к цыганам и оттого, узнав, что он с ним уехал, я не обеспокоилась».

Наконец около полудня Феликс сам позвонил Муне, и она успокоила дочерей – передала им слова князя о том, что он вовсе не видел их отца. Каков же был ее ужас, когда служанка Катя поклялась, что это ложь, что Феликс ночью заехал за Распутиным и она сама его видела в квартире...

Головина немедленно позвонила Вырубовой в Царское Село.

Из показаний фельдшера Жука: «Часов в 12 дня позвонили по телефону и сообщили, что Распутин вышел из дома и не вернулся. Вырубова немедленно сообщила об этом во дворец, и началось большое волнение... непрерывные переговоры с Петроградом».

В то же время Протопопов непрерывно связывался с Царским Селом. Он сообщил императрице и Вырубовой сведения о событиях в Юсуповском дворце, полученные от городского. Тогда же Протопопов вызвал жандармского генерала Попова, вручил ему приказ за номером 573 – «произвести следствие по делу об исчезновении Григория Ефимова Распутина». Следствие должно было начаться немедленно и проходить в абсолютной тайне.

С утра на квартире Распутина начали появляться посетители, очень интересовавшиеся бумагами исчезнувшего хозяина.

Из протокола допроса Манасевича в Чрезвычайной комиссии: «– Вы были у Распутина на квартире в ночь, когда он исчез?

– Был утром... я приехал... там был переполох, приехал Симанович с епископом Исидором и рассказал, что были у пристава части, где все произошло.

– Вы его бумаги разбирали?

– Не касались. (Манасевич, естественно, не мог ответить иначе. – Э.Р.)

– Протопопов при вас посетил квартиру Распутина?

– При мне не было...»

Из протокола допроса Протопопова:

«– Есть молва, что сразу после убийства вы пришли к нему на квартиру?

– Никогда... ведь там была полиция...»

Но министр внутренних дел, учитывая связи Распутина и с ним, и с «царями», просто обязан был прибыть туда раньше полиции, раньше всех, в том числе и Манасевича, – как только узнал об исчезновении Распутина. Так что после всех этих внимательных гостей никаких важных документов в квартире остаться уже не могло.

Между тем события развивались. В два часа дня генерал Попов получил извещение, что на Большом Петровском мосту на Малой Невке имеются следы крови, а под мостом найден ботинок коричневого цвета. В три часа ботинок был предъявлен дочерям Распутина, и они «признали его принадлежащим отцу».

«Я не хочу верить, что его убили...»

Предполагаемая смерть фаворита переполошила все высшее общество. Великие князья, послы, министры, двор – все горячо обсуждали слухи о гибели полуграмотного мужика из сибирского села.

Из дневника великого князя Николая Михайловича: «17 декабря в 5.30 – 2 телефонных звонка, один от княгини Трубецкой, другой от английского посла Бьюкенена... мне сообщили, что прошлой ночью убит Григорий Распутин. Такое неожиданное известие ошеломило меня, и я помчался в автомобиле в дом брата Александра на Мойку, чтобы узнать в чем дело... Прислуга сообщила, что Феликс вернется поздно...»

Видимо, Николаю Михайловичу сообщили не только об убийстве, но и о том, что Феликс, живший тогда у Александра Михайловича, подозревается в преступлении. Не застав Юсупова дома, великий князь отправился обедать в мятежный «Яхт-Клуб». В тот день клуб был переполнен, множество экипажей и авто дежурили у входа.

Аристократический муравейник гудел... «Все только и говорили об исчезновении Гришки... Под конец обеда явился бледный как смерть Дмитрий Павлович, с которым я не разговаривал, так он сел за другой стол... Трепов доказывал во всеуслышание, что все это ерунда... Между тем Дмитрий Павлович заявил другим, что *Распутин, по его мнению, или исчез, или убит*... Мы сели за карты, а Дмитрий Павлович уехал во французский Михайловский театр». Так что нужную информацию получили все. И все откуда-то уже знали, что Дмитрий – причастен...

В тот день Вырубова по требованию Аликс переселилась во дворец.

Из показаний фельдшера Жука: «Вырубова переехала ночевать во дворец по приказанию царицы. Опасались, что ее могут тоже убить, так как она... стала получать угрожающие письма еще за год до убийства Распутина... Особенно... опасались молодых великих князей... Мне было приказано никого из великих князей не принимать... В квартире Вырубовой были переделаны внутренние ставни».

Аликс подозревала, что это только начало расправы «романовской молодежи» над «нашими». Днем 17 декабря она написала мужу: «Мы сидим все вместе... ты можешь себе представить наши чувства – Наш Друг исчез. Вчера А<ня> *видела Его, и Он ей сказал, что Феликс просил Его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, чтоб Он мог повидать Ирину*... Сегодня ночью был огромный скандал в Юсуповском доме... большое собрание, Дмитрий, Пуришкевич и т. д. – все пьяные. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что Наш Друг убит. Полиция приступила к розыску... Феликс намеревался сегодня ночью выехать в Крым, я попросила Калинина (Протопопова. – Э.Р.) его задержать... Феликс утверждает, будто он... никогда не звал Его. Это, по-видимому, была западня. Я все еще полагаюсь на Божье милосердие, что Его только увезли куда-то... Я не могу и не хочу верить, что Его убили. Да смилуется над нами Бог!.. Такая отчаянная тревога... Приезжай немедленно – никто не посмеет ее (Аню. – Э.Р.) тронуть или что-либо ей сделать, когда ты будешь здесь... Феликс последнее время часто ездил к Нему...»

В тот день она послала Ники еще и телеграмму: «Мы еще надеемся на Божье милосердие. Замешаны Феликс и Дмитрий».

Уже вечером об этом знало все Царское Село.

Из воспоминаний Ольги, жены великого князя Павла Александровича, мачехи Дмитрия: «17 декабря в субботу вечером в Царском давали концерт... Около восьми часов раздался телефонный звонок. Мгновение спустя Владимир (ее сын от первого брака. – Э.Р.) вбежал в мою комнату: «Старцу конец. Мне только что позвонили. Господи, теперь мы вздохнем свободнее. Подробности еще неизвестны. В любом случае, он исчез 24 часа назад. Быть может, мы что-нибудь узнаем на концерте»... Никогда не забыть мне того вечера. Никто не слушал ни оркестр, ни артистов... Во время антракта я заметила, что взгляды, устремленные на нас, были особенно пристальны. Но тогда я еще не догадывалась почему...» Наконец кто-то из знакомых сообщил ей: «Кажется, исполнители этого дела – из высшей аристократии. Называют Феликса Юсупова, Пуришкевича и великого князя...» У меня остановилось сердце. К концу вечера имя Дмитрия было у всех на устах».

«Дело об исчезновении крестьянина Распутина»

Наступило утро 18 декабря, но Распутина не нашли. Генерал Попов и его подчиненный полковник Попель второй день вели непрерывные допросы. Среди допрошенных были двое городских, стоявших в ту ночь недалеко от Юсуповского дворца, обе дочери Распутина, служанка Печеркина, племянница Распутина и Мария Головина.

18 декабря Феликса Юсупова пригласили дать показания по «делу об исчезновении крестьянина Распутина». Допрашивал князя сам министр юстиции Макаров. Эти показания особенно интересны, ибо даны по горячим следам – на следующий день после убийства...

Но 19 декабря, на третий день следствия, вдруг последовало распоряжение министра внутренних дел о немедленном прекращении дела. Все протоколы допросов Протопопов тотчас забрал к себе.

В 1928 году в Париже умер Васильев – последний директор департамента полиции. Он оставил рукопись о царской охранке, которая вскоре была издана. В ней автор процитировал (с ошибками) некоторые документы из «дела о Распутине». Из этой книги документы (вместе с ошибками) попадут во множество книг о Распутине...

Между тем оказалось, что само дело... было опубликовано! Его напечатал сразу же после Февральской революции журнал «Былое» – в ряду самых сенсационных документов павшего режима.

Показания в «деле о Распутине» мы и будем сравнивать с версией об убийстве Распутина, созданной его убийцами Пуришкевичем и Юсуповым и ставшей общепризнанной. Материалы из этого дела помогут нам восстановить *истинную картину загадочной Юсуповской ночи*.

Рассказывают полицейские

48-летний Степан Власюк, дежуривший в ночь на 17 декабря на набережной Мойки, сообщил: «Около 3 часов ночи я услышал 3–4 быстро следовавших друг за другом выстрела...»

Власюк направился к городскому Ефимову, дежурившему поблизости. На вопрос, где стреляли, Ефимов указал на Юсуповский дворец. Власюк тотчас пошел туда, встретил дворника Юсуповых, но тот сказал, что выстрелов не слышал. «В это время я увидел, что по двору дома идут в направлении калитки два человека в кителях и без фуражек, в которых я узнал

князя Юсупова и его дворецкого Бужинского. Последнего я спросил: «Кто стрелял?» Он ответил, что никаких выстрелов не слышал». Власюк, успокоившись, вернулся на пост. «О происшедшем я никому не заявил, потому что приходилось слышать такие звуки от лопающихся автомобильных шин... Но через 15–20 минут ко мне подошел Бужинский и сказал, что меня требует князь Юсупов... Едва я переступил порог кабинета, ко мне подошел навстречу князь Юсупов и неизвестный мне человек, одетый в китель защитного цвета... с русой бородкой и усами». И далее Власюк изложил удивительный разговор:

«Этот человек спросил меня:

– Про Пуришкевича слышал?

– Слышал...

– Я и есть Пуришкевич... А про Распутина слышал?.. Вот он, Распутин, и погиб... И если ты любишь Россию-матушку, ты должен об этом молчать...

– Слушаюсь.

– Теперь можешь идти...

Минут через 20 ко мне пришел околоточный надзиратель Калядин, и я ему все рассказал».

Второй городской, 59-летний Флор Ефимов, дежуривший напротив Юсуповского дворца, был старым, опытным полицейским. Он сообщил: «В 2.30 ночи я услышал выстрел, через 3–4 секунды последовали еще 3–4 выстрела... *быстро, один за другим, звуки выстрелов...* После первого выстрела *раздался негромкий, как бы женский крик...*»

На вопрос следователя об автомобиле, приехавшем или отъезжавшем от дворца после услышанных им выстрелов, Ефимов ответил: «*В течение 20–30 минут не проезжал по Мойке никакой автомобиль или извозчик... только спустя полчаса... проехал какой-то автомобиль, который нигде не останавливался.*»

Итак, запомним: оба полицейских, дежуривших неподалеку от дворца, дают одинаковые показания о трех или четырех выстрелах в Юсуповском доме. При этом находившийся ближе городской Ефимов слышал «негромкий, как бы женский крик». И еще одна важная деталь: никакой автомобиль сразу же после выстрелов к дому не подъезжал. Но был автомобиль, проехавший через полчаса после выстрелов.

Не заметил приехавшего после выстрелов автомобиля и Власюк.

Такими показаниями уже обладало следствие к тому моменту, когда министр юстиции Макаров начал допрашивать Феликса Феликсовича, князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон.

«Собаку убил именно он...»

Рассказав Макарову историю своего знакомства с Распутиным, Юсупов перешел к недавним событиям:

«Я отделял... помещение в своем доме на Мойке... и великий князь Дмитрий Павлович предложил мне устроить вечеринку по случаю новоселья. Решено было пригласить на нее Владимира Митрофановича Пуришкевича и нескольких офицеров и дам из общества... она и была назначена на 16 декабря... По вполне понятным причинам я не хочу называть фамилии офицеров и дам, это может повредить им и возбудить ложные слухи... Чтобы не стеснять гостей, я приказал прислуге все приготовить для чая и ужина... а потом не входить. Большинство гостей должно было приехать не с парадного подъезда... а с бокового входа, ключ от которого я имел лично... Собравшиеся пили чай, танцевали... Около 12.30 позвонил откуда-то Распутин... и приглашал поехать к цыганам, на что последовали шутки и остроты со сто-

роны гостей... На мой вопрос, откуда он говорит, Распутин не хотел сказать... но по телефону слышны были голоса, шум и женский визг...»

Здесь Макаров мог уличить Феликса во лжи сведениями, полученными от домашних Распутина. Но министр не посмел противопоставить показаниям родственника царя показания кухарки и дочерей мужика... И князь продолжал: *«Около 2–2. 30 ночи две дамы пожелали ехать домой и с ними уехал великий князь Дмитрий Павлович...»* Когда они вышли... я услышал выстрелы во дворе. Я вышел во двор и... увидел убитую собаку, лежащую у решетки... Впоследствии... *Его Императорское Высочество сообщил, что собаку убил именно он* (хорошо запомним эту фразу! – Э.Р.)... После этого я позвал с улицы городского, которому сказал: «Если будут спрашивать о выстрелах, скажи, что собаку убил мой приятель...»

Видимо, здесь последовал вопрос Макарова о словах Пуришкевича, сказанных городовому Власюку. Князь отвечал забавно: *«Бывший в кабинете Пуришкевич что-то стал говорить... Что он говорил, я полностью не расслышал...»* Что касается показаний городского, будто Пуришкевич сказал ему в моем кабинете, что убит Распутин, то *Пуришкевич был пьян и не помнил, что говорит...* Я у Распутина ни днем, ни вечером 16-го не был, что могут подтвердить и гости, и прислуга... Какие-то люди глубоко обдумали план убийства и связали его со мной и вечером, происходившим в моем доме».

Арест на вокзале

После допроса, вечером 18 декабря, Феликс собрался выехать поездом в Крым. Но...

Из дневника великого князя Николая Михайловича (запись от 18 декабря): «На другой день, все еще не увидев Юсупова, я узнал, что Феликс и оба племянника уезжают в Крым. Но за день толки не умолкали, и А.Ф. Трепов сообщил мне 18-го по телефону, что, действительно, Распутин вероятно убит и что упорно называют Дмитрия Павловича, Феликса Юсупова и Пуришкевича как замешанных в этом убийстве... Я вздохнул свободнее и сел безмятежно играть в карты, радуясь, что этот мерзавец не будет больше вредить, но опасаясь, что сведения Трепова неверны... В 9 часов вечера я навестил племянников и простился с ними... Каково было мое удивление, когда в 10 с половиной меня вызвал к телефону Феликс, говоря, что он задержан жандармским офицером на Николаевском вокзале и что он очень просит заехать к нему... Феликс уже лежал в кровати... Я пробыл у него полтора часа, выслушивая его откровения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.